

глав собраний (30–40 гг. XVI в.) нет⁵, тогда как строение текстов, созданных в разные периоды творчества, претерпело существенные изменения, и важную роль в этом сыграло цитирование.

При всех различиях творческого потенциала публицистов XVI в. очевидно, что их объединяло стремление совместить духовный и исторический материал в общем историко-культурном контексте. На том пути, когда «писатели должны выступать как носители истины, а не как создатели собственных мыслей и образов» [9, с. 451], Даниил и Максим Грек находились в разных точках маршрута. Искусство публицистического слова Максима Грека, безусловно, приближало культуру Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каравашкин А.В.* Единственная реальность. О методологических спорах нашего времени // Россия XXI. 2000. № 6.
2. *Филиюшкин А.И.* Экзегетика древнерусских нарративных памятников и проблема герменевтической интерпретации текстов (на примере Первого послания Андрея Курбского Ивану Грозному) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4.
3. *Бахтин М.М.* (Волошинов В.Н.) Марксизм и философия языка. М., 2000.

4. *Гардзанини М.* Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРЛ. СПб, 2008. Т. 58.
5. *Юрганов А.Л.* Древнерусский автор и топосы // Источниковедение культуры: альманах. М., 2007. Вып. 1.
6. *Ранчин А.М.* О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // Древняя Русь. 2012. № 3 (49).
7. *Станчев К.* Поэтика на старобългарската литература. София, 1982.
8. *Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих.* Творение преподобного отца нашего Иосифа. Казань, 1904.
9. *Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М., 2003.
10. *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
11. *Журова Л.И.* Автор и читатель в русской публицистике XVI в. (постановка вопроса) // Вестн. НГУ. Серия: история, филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология.
12. *Буланин Д.М.* О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37.
13. *Грицевская И.М.* Чтение и четьи сборники в древнерусских монастырях XV–XVII вв. СПб, 2012.
14. *Morawski S.* The Basic Functions of Quotation // Sign. Language. Culture. P., 1970.
15. *Журова Л.И.* Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2008. Ч. 1.

Статья поступила
в редакцию 04.03.2013

УДК 271.22–36(571.1/.5)

Н.К. ЧЕРНЫШОВА

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ АГИОГРАФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТИЙ СВ. ИННОКЕНТИЯ ИРКУТСКОГО)

д-р ист. наук,
ГПНТБ СО РАН, Новосибирск
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

В статье раскрываются факторы создания и бытования житийных памятников Нового времени: особенности практики канонизации святых в Новое время; влияние Духовного регламента Петра I как документа, определяющего наполнение житий содержанием; роль исторической науки в трансформации житий; особенности изучения житийных памятников Нового времени.

Ключевые слова: агиография, житие, историческое сочинение, «Духовный регламент», Св. Иннокентий Иркутский, Св. Димитрий Ростовский, текстологический анализ, рукопись, биография, редакция, список.

Агиография св. Иннокентия, первого епископа Иркутского (в миру И.И. Кульчицкого) (1680–1731), возникла и развивалась на протяжении XIX – начала XX в. Данный этап развития жанра в настоящее время только

⁵ Например, «Слово противу тщашихся звѣздозрѣнием предрицати о будущих и о самовластии челоѵческом, сложи же ся слово на уповающих звѣздному нарождению и всячески по зодѣям ходити тщатся»; «Слово на латиновъ, яко не лет есть ни единому приложити что или убавити въ божественном исповѣдании непорочныа христьяньскыа вѣры». Вероятно, заголовки ранних посланий появились в истории текста на более позднем этапе ее развития.

начинает изучаться. Статья посвящена рассмотрению некоторых социокультурных факторов, обусловленных реалиями наступившей исторической эпохи, которые оказали принципиальное влияние на развитие жанра.

Одной из особенностей церковной жизни в синодальную эпоху было то обстоятельство, что канонизации святых были сравнительно редки. При этом среди прославляемых оказалось значительное число архиереев, что дало основание исследователям назвать XVIII в. веком «архиерейской святости» [1, с. 302]. Первым из архиереев XVIII в. был канонизирован митрополит Рос-

товский Димитрий (Тупгало) (1757 г.). Св. Иннокентий (Кульчицкий) в этом ряду стал вторым (1804 г.).

Другим важным фактором явилось принятие Духовного регламента Петра I в качестве документа, определяющего внутреннюю жизнь церкви, нормы духовной жизни, взаимоотношения церкви с государством и верующими. Документ не содержал каких-либо указаний для составителей агиографических текстов, однако при написании биографической части житий составитель мог или даже должен был руководствоваться, наряду с «этикетным принуждением» древнерусского книжника, пунктами Духовного регламента¹. Влияние документа на развитие жанра агиографии относится к числу малоизученных проблем агиографии Нового времени [2, с. 313–318; 3, с. 189–190]. С большой тщательностью в регламенте прописан статус епископа. Возможно, подчеркнутое внимание составителя документа к задачам и обязанностям этого звена церковной иерархии со своей стороны как-то повлияло на формирование такого явления, как «особый архиерейский период русской святости» в XVIII в.

Первым из агиобиографов св. Иннокентия обратился к Духовному регламенту иркутский протоиерей П.В. Громов [3, с. 190; 4, с. 172–173, 180, 221–223, 225–231]. Писатель ссылается на пункты Духовного регламента при описании таких сторон деятельности первого иркутского епископа, как административная, просветительская, иногда цитирует соответствующие пункты регламента. Отсылки к документу содержатся и в агиографическом сочинении архимандрита Модеста, однако в последнем названные отсылки перенесены из труда о. Прокопия [5, с. 36–38]. В агиографических текстах, возникших в более позднее время, самостоятельных обращений составителей житий к Духовному регламенту также не наблюдается.

Нашульывая особенности жанра в Новое время, протоиерей А.М. Державин впервые заговорил о роли «Четиих Миней» святителя Димитрия Ростовского в его развитии. «В истории агиографии они [«Четиих Миней». – Н. Ч.] завершили то, к чему стремилась эта отрасль древнеславянской письменности, старавшаяся в трудах Московского митрополита Макария и его последователей собрать все памятники русской и общехристианской агиографии и составить по ним книгу, доступную и удобную для народного пользования. Отсутствия попыток составить новые четии миней после святителя Димитрия ясно показывает, как великолепно понял и прекрасно выполнил он то, что составляло тогда задачу русской агиографии и нужду нашей Православной церкви. Но завершив труды своих предшественников, святитель Димитрий положил начало и сделал первый шаг в деле научного изучения агиографии

и критического исследования житий» [6, т. 16, с. 128]. Таким образом, характеризуя святителя Димитрия как завершителя древнерусской традиции в развитии жанра агиографии, исследователь поставил его и у истоков следующего этапа и указал две черты, проявившиеся в дальнейшем развитии жанра: 1) роль сочинения св. Димитрия как образца для духовных писателей, 2) связь с развитием научного изучения житий.

В работах современной исследовательницы М.А. Федотовой [7; 8; 9] ставится вопрос о значении жития самого автора «Четиих-Миней» св. Димитрия для становления агиографии на новом этапе ее развития. Обратившись к истории первых текстов жития святителя, М.А. Федотова касается, в частности, и вопроса об их источниках. Она называет использованные митрополитом Арсением Мацеевичем краткое житие, устные свидетельства, «Духовную» митрополита Димитрия, надгробную речь Стефана Яворского, предисловие к «Четиих Миней», т.е. традиционные для древнерусской агиографии тексты. Автор синодальной редакции жития Я.А. Татищев расширил круг привлеченных источников и, кроме указанных Арсением Мацеевичем и составленного им жития, использовал также «Дневные записки», «Епистоляр» (в издании 1774 г.) митрополита Димитрия, тексты его проповедей, издание «Розыска о раскольнической брынской вере» (М., 1745), а также «Исторический словарь о российских писателях» (СПб, 1772) Н.И. Новикова [8, с. 158–160]. Составитель жития имел целью, подчеркивает исследовательница, создать сочинение, «насыщенное биографическими данными», на решение этой задачи и был направлен поиск источников [9, с. 199]. Значение синодальной редакции жития св. Димитрия для развития жанра М.А. Федотова формулирует следующим образом: «... перед нами уже не столько средневековое житие, сколько агиографический памятник Нового времени, близкий к новому жанру – жанру биографии» [8, с. 165].

Появление первых житий св. Димитрия и св. Иннокентия разделяет приблизительно шестьдесят лет (создание первой краткой редакции жития Ростовского митрополита относится к 1756 г., а синодальной – к 1784 г., а самая ранняя зафиксированная дата, касающаяся жития св. Иннокентия, – 1814 г.). Составитель первого жития сибирского святого отметил «скудость» источников о его жизни, и это не было просто использование агиографического приема «общего места», но вполне соответствовало действительности. Еще не были собраны устные предания и воспоминания современников о св. Иннокентии, проповеди святого, переписка, дневниковые записки и другие свидетельства о его жизни и деятельности. Составитель, вероятно, располагал биографией святого, напечатанной в «Московском курьере на 1805 год» [10], содержавшей краткие сведения анкетного характера, описаниями чудес, текстом указа о канонизации и, возможно, некоторыми преданиями, запечатлевшими в сознании иркутян отдельные эпизоды деяний епископа и общее отношение к архипастырю. Обнаруживается также некоторая близость к опубликованному тексту жития св. Димитрия

¹ В Духовный регламент включены разделы, содержащие предписания о необходимости соблюдения осторожности в отношении чудес и явлений, что могло повлиять на процесс канонизации и, соответственно, на процесс агиографического творчества. Этот вопрос, как и другие, связанные с влиянием документа на развитие жанра агиографии, также практически не исследован.

[3, с. 51–53]. В целом указанные источники соответствуют древнерусской агиографической традиции.

При создании первых житийных текстов о св. Иннокентии одним из наиболее значимых источников биографической части явилась работа известного церковного историка митрополита Евгения (Болховитинова) «Краткое описание Китайского Пекинского монастыря», включенная в состав 2-й части «Истории Российской иерархии» Амвросия (Орнатского) (М., 1810) [3, с. 35–46]. В дальнейшем агиография св. Иннокентия развивалась в направлении еще более активного привлечения достижений церковно-исторической и светской историографии (П.В. Громов, архиепископ Филарет (Гумилевский), архимандрит Модест (Стрельбицкий) и др.). Архиепископ Филарет привлекал сочинения известных церковных историков – А.В. Аскоченского, С.К. Смирнова, главным образом, для извлечения фактов биографии первого Иркутского епископа. Для агиографа иногда имело значение то обстоятельство, что извлеченный им факт работал на его историческую концепцию. Красноречивым примером этого служит эпизод жития св. Иннокентия, указывающий на небескорыстие чрезвычайного посланника Саввы Владиславича Рагузинского. Агиограф в подтверждение данной оценки личности посланника ссылается на публикацию украинского историка М.О. Судьенко, из которой следует, что граф Владиславич был «грабителем Малороссии» [11, с. 436].

Архимандрит Модест опирался в своем агиографическом сочинении на труды церковных историков, в том числе сибирских, С.Г. Рункевича, А.И. Сулоцкого, архимандрита Мелетия (Якимова), выбирая из них «по крохам» факты биографии св. Иннокентия и воссоздавая сибирский контекст его деятельности. Агиографическое сочинение архимандрита Модеста демонстрирует еще один способ использования достижений исторической науки. Обращение к трудам сибирских областников С.С. Шашкова и А.П. Щапова – историков революционно-демократического направления – хотя и не прибавило каких-либо новых фактов к биографии первого иркутского епископа, но позволило агиографу остроумно и убедительно подчеркнуть святительский подвиг святого.

Жития св. Иннокентия свидетельствуют о том, что расширение источниковой базы агиографии произошло также за счет опубликованных в XIX – начале XX в. документальных материалов по истории церкви и гражданской истории и привлечения документов церковного делопроизводства. Впервые это явление применительно к агиографии XVII в. было отмечено в работах Е.К. Ромодановской. Она характеризовала использование в качестве источника житийных текстов судебно-следственных дел, а именно «расспросных речей» по поводу «явлений» и «чудес». Они, как отмечала Е.К. Ромодановская, почти не содержали сведений о биографии святого [12, с. 66–67]. Роль происшедшего в начале XVIII в. коренного изменения в характере делопроизводства, повлекшего за собой, в частности, изменение видовой структуры источников и увеличе-

ние количества делопроизводственных документов, в развитии агиографии Нового времени остается малоизученной. Документы церковного делопроизводства, относящиеся ко времени епископа Иннокентия, были выявлены в иркутских архивах П.В. Громовым и включены им в состав «Начала христианства в Иркутске...» при описании деятельности епископа, его кончины и погребения, а также истории почитания святого в Иркутске. Возможно, этот факт следует рассматривать не как частный случай, а как знаковое явление в развитии агиографического жанра в Новое время. Материалы, введенные в оборот о. Прокопием, послужили базой для агиографов более позднего времени при освещении сибирских страниц жизни св. Иннокентия, его подвигов и «скорбей». Важно подчеркнуть, что после трудов П.В. Громова и архимандрита Модеста новых фактов в жизнеописания Св. Иннокентия почти не вводилось.

Приведенные наблюдения над текстами житий св. Иннокентия совершенно не противоречат выводу М.А. Федотовой о развитии житийного жанра в сторону «биографизма», но вместе с тем – позволяют существенно уточнить его, а именно, отметить укрепление связей жанра с развитием исторической науки как в области расширения круга источников, так и взаимодействия с историографией Нового времени. Возможно, при создании житий св. Димитрия эта тенденция еще не проявилась в той мере, как это отразилось в агиографии св. Иннокентия.

В Новое время рукописная традиция все больше отходила на периферию, уступая место печатным текстам. Нами выявлено 66 текстов житий и жизнеописаний святителя Иннокентия, созданных и напечатанных в XIX – начале XX в. Рукописная традиция связана с распространением списков первого жития: текста, опубликованного в 1817 г. Н.В. Семивским, и издания, осуществленного после 1822 г. [13; 14]. Списков более поздних житийных текстов не выявлено.

Исследователями древнерусской книжности разработаны методы и инструментарий изучения рукописей, включая агиографические сочинения. Основу их составляет текстологический анализ [15; 16]. Изучение памятника начинается с выявления списков, затем следует исследование истории текста – установление редакций, картины взаимоотношений списков и редакций, источников, авторских замыслов, разыскание возможных авторов, переписчиков и т.д. Мы предприняли попытку изучения печатных житий Св. Иннокентия и их классификации с целью установления источников и взаимосвязей опубликованных текстов, для чего использовали методику, традиционно применяющуюся при исследовании рукописных памятников древнерусской агиографии – текстологический анализ. Одной из особенностей применения его в данной ситуации было то, что при анализе практически упразднились «списки».

Однако при исследовании истории текста по отношению к печатным вариантам житий, созданных в XIX – начале XX в., оправданно и плодотворно использование понятия «редакция», в соответствии с тем опре-

делением термина, которое дал Д.С. Лихачев, говоря о древнерусских рукописных житийных памятниках: «Редакции текста, являясь результатом сознательной целенаправленной деятельности древних книжников, знаменуют собой этапы в развитии текста». Ученый выделяет редакции идеологические, редакции стилистические и редакции, «вызванные стремлением расширить фактическую сторону произведения» [16, с. 135–139]. Большинство рассмотренных нами опубликованных житийных текстов появились в результате именно целенаправленной работы составителей над выбранным источником или источниками в одном или нескольких упомянутых направлениях, т.е. являются редакциями.

При анализе житий св. Иннокентия мы воспользовались понятием «редакция», во-первых, для группы житий, созданных после канонизации святого. Одно из них – упомянутое житие св. Иннокентия, опубликованное в 1817 г. Н.В. Семивским. На протяжении первой половины XIX в. текст 1817 г. дополнялся новыми структурными частями: вариантами предисловия, описаниями чудес, историей открытия мощей, похвалой; биографическая часть расширялась за счет использования исторических сочинений, документов и подвергалась редактированию и стилистической правке. В итоге удалось выделить четыре редакции первого жития св. Иннокентия: упомянутые тексты 1817 г. и отдельного издания жития, осуществленного после 1822 г., а также редакции Д. Эристов – М. Яковлева и А.Н. Муравьева [13; 14; 17; 18].

Созданные в середине–второй половине XIX в. протоиереем П.В. Громым и архимандритом Модестом жизнеописания святого мы рассматриваем не как редакции, а как самостоятельные памятники, поскольку они возникли на основе использования широкого круга неизвестных ранее источников, раскрыли новые грани личности прославленного иерарха и проявления его святости. Текстуальная близость с текстом первого жития незначительна и, как правило, заимствованные из первого жития фрагменты сопровождаются соответствующими отсылками.

Текстологический анализ показал, что труд П.В. Громова послужил основой для сочинений позднейших агиографов, в первую очередь известнейшего и авторитетного духовного писателя XIX в. архиепископа Черниговского Филарета (Гумилевского), и, таким образом, текст жития св. Иннокентия в составе «Русских святых» можно считать редакцией соответствующего произведения П.В. Громова. В дальнейшем агиографы второй половины XIX в. в работе над житиями св. Иннокентия часто использовали в качестве основного источника текст «Русских святых...»: архимандрит Игнатий (Мальшев), А.Ф. Хойнацкий, М.В. Толстой, С. Дестунис, Дмитрий (Самбикин) и др. Созданные ими жития св. Иннокентия можно рассматривать как редакции сочинения архиепископа Филарета.

Несмотря на стремление придерживаться жанровых канонов – сохранение композиционной структуры агиографических сочинений, использование традици-

онного для агиографии компилятивного метода работы, «общих мест» и т.д., – в житиях св. Иннокентия проявились некоторые изменения в подходе к содержанию и приемах работы агиографов. Они состояли во все более тесном взаимодействии с развитием исторической науки, влиянии Духовного регламента Петра I как регламентирующего документа при наполнении жития реальным содержанием, что вполне сочеталось с элементами «этикетного принуждения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириченко О.В. Дворянское благочестие. XVIII век. М., 2002. 464 с.
2. Андроник (Трубачев). Житийная литература / Афиногенов Д.Е., Руди Т.Р., Иванова К. [и др.] // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 19. С. 283–345.
3. Чернышова Н.К. Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805–1919 гг.). Новосибирск, 2009. 536 с.
4. Громов П.В. Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий, первый епископ Иркутский. Его служение, управление, кончина, чудеса и прославление. Иркутск, 1868. 408 с.
5. Модест, еп. Жизнь Св. Иннокентия, первого Иркутского епископа и чудотворца. Пермь, 1878. 52 с.
6. Державин А., прот. Четии-Миней святителя Дмитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник // Богослов. тр. / Моск. Патриархия. 1976. Т. 15. С. 61–145; Т. 16. С. 46–141.
7. Федотова М.А. Житие, почитание и прижизненные чудеса святого Дмитрия Ростовского // Святитель Дмитрий, митрополит Ростовский: исслед. и материалы. Ростов Великий, 2008. С. 273–310.
8. Федотова М.А. Житие святого Дмитрия Ростовского (к вопросу об истории создания текста) // ТОДРЛ. 2009. Т. 60. С. 150–182.
9. Федотова М.А. Источники жития Дмитрия Ростовского // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 180–222.
10. Моск. курьер на 1805 год. С. 81–82.
11. Филарет (Гумилевский), архиеп. Преставление Св. Иннокентия епископа Иркутского // Филарет (Гумилевский). Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Опыт описания жизни их. 2-е изд. Чернигов, 1865. С. 428–466.
12. Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция // Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1973. Вып. 3. С. 66–67.
13. Сказание о святом Иннокентии, иркутском чудотворце // Семивский Н.В. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое донныне не было всем известно. СПб., 1817. С. 73–78.
14. Житие и чудеса святителя Иннокентия первого епископа Иркутского и чудотворца. [Иркутск, после 1822 г.]. 30 с.
15. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. 465, III, 30 с.
16. Лихачев Д.С. Текстология на материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. 640 с.
17. Иннокентий, святой, епископ Иркутский // Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых / сост. М.Л. Яковлев, Д.А. Эристов. СПб, 1836. С. 120–122.
18. Муравьев А.Н. Житие святителя Иннокентия Иркутского // Муравьев А.Н. Жития святых Российской церкви. Также иверских и славянских. СПб, 1856. Месяц ноябрь. С. 330–362.